

0

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Кузьменкова Юлия Борисовна

**Отражение доминантных черт культуры
в стратегиях англоязычной коммуникации**

Специальность – 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Москва – 2005

Работа выполнена на кафедре английского языка факультета менеджмента государственного университета – Высшей Школы Экономики

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Воробьев В.В.

доктор филологических наук,
профессор Вербицкая М.В.

доктор культурологии,
профессор Кулинич М.А.

Ведущая организация:

Калининградский государственный университет

Защита состоится 5 февраля 2005 г в 15.20
на заседании диссертационного совета Д 501 001.28 Московского государственного университета им М.В Ломоносова

Адрес: 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д 31, корп 1, факультет иностранных языков.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГУ им М.В. Ломоносова (1 корп гуманитарных факультетов)

Автореферат разослан «28» февраля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

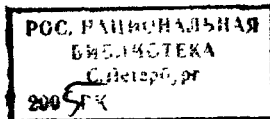
Е.В. Жбанкова

2005-4
45541

205 2286

Проблема взаимодействия языка и культуры в настоящее время рассматривается все более и более разноаспектно с позиций культурантропологии и этнопсихологии, социологии и лингвокультурологии, межкультурной прагматики и лингвистики. Последние десятилетия ознаменовались появлением целого ряда работ как культурологической, так и лингвистической направленности, посвященных отражению в языке системы культурных ценностей, которыми обусловлены принятые в конкретном обществе модели поведения и коммуникативные стратегии, используемые в различных ситуациях речевого общения.

Этнокультурная специфика коммуникативного поведения, а также стиль вербального общения определяются типом культуры. Разработка типологии культур и вопросов, связанных с повышением эффективности межкультурного общения, способствует обнаружению особенностей национального мировосприятия, реализующихся в моделях речевого общения, которые рассматриваются как проявления скрытой системы ценностей или правил культуры (Wierzbicka 1998). Очевидно, что без системного подхода невозможна и адекватная интерпретация моделей поведения, отражающихся в функционировании иностранного языка и соотносимых с культурными ценностями и с образом жизни его носителей. Систематизация взаимосвязанных факторов, предопределяющих национально-специфический стиль общения, способствует построению типологии культур и признается одним из недостаточно изученных, но весьма актуальных и перспективных направлений современных исследований, в русле которого выполнена и данная работа. В центре нашего внимания находилась проблема выявления доминантных черт британской и американской

культур¹ в их соотносительности с коммуникативными доминантами англоязычного общения. Для определения указанных доминант привлекались сведения из различных смежных областей знания, чем обусловлен весьма не прямой путь исследования; однако необходимость именно такого подхода продиктована стремлением составить по возможности более целостное представление о проблеме.

Тема диссертации предполагает рассмотрение целого комплекса взаимосвязанных вопросов – культурологических и лингвистических, знание которых призвано, в конечном счете, обеспечить эффективность практического использования стратегий англоязычного общения. Реферируемая диссертация относится к типологическим исследованиям в области лингвокультурологии; сопоставление с русской культурой, достаточно широко используемое в работе при объяснении межкультурных различий, позволяет ярче продемонстрировать их своеобразие, однако основной акцент делается на выявлении особенностей британской и американской (лингво)культур, что и отражено в названии.

Для настоящего исследования представляет особый интерес тенденция к прагматическому освещению проблем межкультурной коммуникации, к исследованию факторов, определяющих выбор языка социального общения, что отражается в использовании тех или иных речеповеденческих стратегий. Одной из попыток рассмотрения моделей коммуникативного поведения через призму общественно принятых этикетных норм явилась универсальная теория вежливости (Brown, Levinson 1987), в которой «механизмы» вежливости (преимущественно англоязычной) использовались для объяснения широкого распространения косвенных речевых актов,

¹При использовании понятия *культура* - многоаспектного и многофункционального - в диссертации преимущественно акцентируется регулятивная функция, благодаря которой культура в той или иной мере определяет поведение людей.

предоставляющих собеседникам альтернативные способы достижения коммуникативных целей. Развивая данную теорию, современные ученые (Brown, Levinson 1987; Leech, Thomas 1990; Scollon, Scollon 2001; Елизарова 2001; Ларина 2003 и др.) предлагают различные списки стратегий, нередко взаимопересекающихся на понятийном уровне и варьирующихся в зависимости от их соотношенности с конкретными речевыми актами. Делая акцент на прагматическую установку (часто культуро-специфическую) и способы ее реализации в речевых актах (а не на набор необходимых для этого речевых средств), они неизбежно теряют системообразующий элемент – ввиду до сих пор не решенной проблемы классификации речевых актов адекватно выдвигаемым стратегиям. В результате обобщение сменяется подробным описанием и отсутствием иерархической соподчиненности, что в целом снижает эффективность практического использования стратегий для носителей английского языка. Внимательное изучение причин коммуникативных сбоев при межкультурном общении свидетельствует о том, что они чаще всего возникают из-за наблюдаемого расхождения между семантическим и прагматическим значениями.

Прагматический аспект, заложенный в национально-специфических подходах к общению, невозможно адекватно интерпретировать без учета культурных ценностей. Рассмотрение ценностей и норм как важнейших элементов традиции с позиций проявляющегося в них стержневого компонента структуры является одним из актуальных направлений этнопсихологии (Лебедева 2000, Стефаненко 2003). Анализ наиболее распространенных теорий (Kluckhohn, Strodtbeck 1961, Hofstede 1980, Hall 1983, 1988, 1990, Kohls 1984, Stephan, Stephan 1996 и др.), основанных на выделении ценностных типологических характеристик, также свидетельствует

об использовании самых различных параметров (нередко взаимопересекающихся на понятийном уровне – как в случае стратегий вежливости – и зачастую выбираемых исключительно на основе их культуро- и социально-обусловленной значимости). Показательна в свете теории культурного релятивизма и большая степень относительности и условности выделения шкал вариативности: так, критерии, позволяющие отнести к противоположным полюсам англоязычные культуры и культуры стран Востока, при сопоставлении с русской культурой, основанной на традициях православия, далеко не всегда являются релевантными.

Таким образом, одной из важнейших задач, которую предстояло решить в рамках поставленной в диссертации проблемы, явился поиск системообразующего элемента, позволяющего определить инструментарий для адекватного типологического описания – с учетом специфики русской культурной традиции (т.е. фактора духовности в целом и, в частности, православия). Глубокое осмысление поведенческих норм, принятых в той или иной культуре, невозможно без обращения к ее истокам: именно такой подход позволяет выявить как проявления или отклонения от исторически сложившихся традиций в современном обществе, так и характерные для него тенденции. Истоками культурных традиций служат философско-религиозные воззрения, лежащие в основе мировосприятия или «картины мира», и акцент исследования может делаться на нормы, ценности, цели, обладающие ядерным положением в ряду других. Как известно, ядро любой культуры составляют ценности, передающиеся традицией², которая имеет целостный характер. Система ценностей, принятая в конкретном

² Мы трактуем *традицию* как сложную систему взаимосвязанных элементов – ценностей, норм, идеалов, убеждений, являющихся регуляторами поведения человека (Стефаненко 2003), а также разделяем мнение отечественных ученых, согласно которому понятие *культура* выступает как более общее по отношению к *традиции* (Осипова 1985)

обществе, определяет национальное своеобразие подходов к общению, формирование установок и норм, которые влияют на реализацию важнейших аспектов коммуникации, связанных с использованием языка, передачей информации и взаимодействием в социальных ситуациях.

В диссертации анализируются ключевые особенности национального мировосприятия британцев и американцев; также исследуются нравственные нормы и социальные установки, посредством которых осуществляется регуляция стереотипического поведения. При этом типология строится, исходя из принятого в этих культурах отношения к компромиссу и конфронтации между добром и злом, которые трактуются в традиционном (православном) русском понимании (в отличие от более отвлеченных построений, ср. Lefebvre 1982, Лурье 1998, Стефаненко 2003). Расхождения в моделях поведения рассматриваются через призму дистанцирования для установления корреляции личностных черт как ценностей с базовыми мотивационными ориентациями в сфере духовной и материальной. С этой целью в работе вводится понятие *дистанцированности*, трактуемой как результат выбора человеком ориентации по отношению к окружающему миру – духовному и материальному, его позиционирования в отношении добра и зла, лежащего в основе формирования системы ценностей. Этой позицией определяется отношение человека к духовным ценностям, особенности межличностного социального взаимодействия «по горизонтали» и «по вертикали», а в мире физическом – его положение в системе «пространственно-временных координат». На наш взгляд, предлагаемое понятие, более емкое и позволяющее связать воедино дистанцированность личности не только в пространстве и в социуме, но и в психо-эмоциональной и морально-

этической сфере, представляет удобный инструмент для типологического анализа.

Настоящее исследование базируется на гипотезе, выдвинутой в результате рассмотрения под данным углом зрения универсальной теории вежливости: англоязычное коммуникативное поведение основывается, в конечном счете, на стремлении дистанцироваться от собеседника и найти компромисс, обеспечивающий необходимую комфортную атмосферу общения. В работе доказывается, что высокая степень дистанцированности и компромиссность отражают специфику мировоззрения британцев и американцев и, являясь доминантами культур, проецируются на все уровни коммуникативного поведения и определяют его базовые характеристики. При этом, как известно, анализ может идти как от культурных ценностей к способам их манифестации, так и от лингвистических свидетельств к постулируемым культурным ценностям. С целью обеспечить достоверность выводов, результаты анализа языковых фактов сопоставлялись с данными, полученными на основе изучения неязыковых явлений, и исследование проводилось в двух направлениях: при трактовке системы ценностей обозначались ее проекции на уровень коммуникации, а лингвистическое содержание речеповеденческих стратегий, реализующих культуру-обусловленные принципы общения, соотносилось со спецификой национального сознания и рассматривалось в свете ориентации на русскоязычную аудиторию.

Очевидно, что решение поставленной проблемы возможно только на междисциплинарном уровне на основе комплексного подхода, позволяющего рассматривать тип культуры, структуру социальных отношений, основные культурные ценности, принятые нормы, правила и стратегии коммуникативного поведения в их взаимозависимости и в совокупности причинно-следственных связей.

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена необходимостью систематизации имеющихся научных фактов на междисциплинарном уровне, их обобщения и составления типологического описания рассматриваемых культур для выявления закономерностей, определяющих выбор моделей коммуникативного поведения их представителей, а также потребностью разработки речеповеденческих стратегий, имеющих конкретную адресную ориентацию.

Объектом исследования явились ценностные ориентации носителей англо-американской культурной традиции и способы их отражения в коммуникативном поведении. **Предмет** исследования составили доминантные черты культуры и англоязычного общения, проявляющиеся в речеповеденческих стратегиях³.

Материалом исследования послужили исторические, этнокультурные, социологические и другие факты, почерпнутые из исследований в области этнопсихологии, культурантропологии, социологии, межкультурной коммуникации и смежных с ними, а также наблюдения известных философов и историков, писателей и публицистов, – с одной стороны; а с другой, – языковые факты, полученные на основе выборки из научных трудов и учебных пособий отечественных и зарубежных авторов, опирающихся на аутентичные источники и данные анкетирования, а также речевые образцы в виде реплик и высказываний (в том числе услышанных непосредственно в ситуациях общения и собранных во время стажировок автора в Англии и США); в качестве иллюстративного

³ В диссертации *ценностная ориентация* понимается как избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении (Мамонтов 2000); коммуникативная *стратегия* – как совокупность языковых средств и речевых приемов для достижения намеренной цели общения; термины *общение* и *коммуникация* используются как синонимы; обобщающий термин *англо-американский* – преимущественно в социо-культурном контексте, при сопоставлении особенностей мировоззрения (единого для представителей западноевропейской и американской традиций), а *англоязычный* – дифференцируется лишь в случаях существенных расхождений между британской и американской лингвокультурами и, соответственно, подходами к общению.

привлекался лингвистический материал из произведений художественной литературы, лексикографических справочников и личной переписки автора, что в целом составило ок. 7 тыс. единиц.

Основными целями исследования явились:

- определение системообразующих факторов для типологической характеристики культуры и коммуникативного поведения британцев, американцев и россиян и обоснование выбора дистанцированности и компромиссности в качестве стержневых компонентов рассматриваемых (лингво)культур;
- определение критериев отбора параметров для типологической характеристики англоязычного общения (информативного и социального⁴), формируемого коммуникативными доминантами;
- систематизация речеповеденческих стратегий, отбор и классификация языкового материала, составляющего их содержание.

Для достижения поставленных целей исследования было необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть базовые мотивационные ориентации через призму отношения к компромиссу, определить место компромиссности в национальном мировоззрении и ее роль в регуляции коммуникативного поведения;
- рассмотреть через призму дистанцированности специфику ценностных ориентаций, связанных с восприятием пространства, времени, личности и власти;
- выделить на основе полученных данных доминантные черты культурной традиции и установить по результатам системного

⁴Такие функции общения, как передача информации и взаимодействие в социальных ситуациях обозначаются различными терминами; в диссертации используются термины *информативное* (преимущественно рассматриваются особенности научного общения) и *социальное* общение.

анализа ценностных ориентаций иерархию социально желательных качеств⁵;

- определить доминантные черты англоязычной коммуникации, проецируя полученные характеристики на уровень речевого общения, и выявить закономерности возникновения интерференции культурных норм;
- обосновать совокупность положений, составляющих теоретические предпосылки выделения речеповеденческих стратегий, и их эффективность для практики англоязычного общения;
- конкретизировать специфику коммуникативных доминант в свете культурно-обусловленных расхождений в трактовке вежливости и сформулировать принципы отбора языковых средств, используемых при реализации вышеуказанных стратегий;
- продемонстрировать возможности использования модульного подхода для развития знаний межкультурного характера.

Для решения поставленных задач был использован комплекс взаимодополняющих **методов исследования**, включающий: методы дескриптивного и сопоставительного анализа, диахронического и типологического анализа, методы структурно-семантического и функционального анализа языкового материала, метод верификации посредством системного анализа культурных универсалий, связанных с коммуникативно-дискурсивными установками общения. Общим методологическим принципом исследования является междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать данные смежных областей знания под разными углами зрения при интегрирующей роли лингвокультурологии.

⁵ Имеются в виду качества наиболее значимые с точки зрения их отражения в коммуникативном поведении и непосредственно в вербальном общении.

Теоретическую основу исследования составили научные достижения в областях:

этнопсихологии и социологии (А.Г. Асмолов, А.О. Бороноев, Б.С. Братусь, М.М. Громыко, К. Касьянова, И.С. Кон, В.Г. Крысько, Н.О. Лосский, Н.М. Лебедева, С.В. Лурье, М.В. Назаров, О.А. Осипова, В.В. Радаев, П.И. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, А.В.Юревич, A.Bardi, F.Boas, R.Benedict, J.Bruner, E.Goffman, G.Gorer, G.Hofstede, V.Lefebvre, N.Luhman, A.Lunn, M.Mead, K.Parthe, K.Pike, R.Pipes, R.Rancour-Laferriere, D.Risman, M.Rokeach, G.Santayana, S.Schwartz, A.Seligman, R.Sennett, H.Triandis, M.Weber и др.);

лингвистики и межкультурной коммуникации (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.В.Воробьев, В.В. Кабакчи, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.С. Мамонтов, Ю.Е. Прохоров, В.В. Сафонова, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, Н.В. Уфимцева, Л.И. Харченкова, В.И. Шаховский, M.Bennett, R.Brislin, M.Byram, M.Clyne, W.Goodenough, W.Gudykynst, E.Hall, P.Henle, D.Hymes, G.Kasper, Y.Kim, F. Kluckhohn, L.Kohls, C.Kramersch, G.Nemetz-Roinson, G.Palmer, R.Porter, L.Samovar, E.Stewart, S.Ting-Toomey, G.Weaver, J.Yum и др.);

межкультурной прагматики и исследования речевых актов (Е.И. Беляева, Н.Н. Германова, И.В. Головина, А.В. Дорошенко, М.А. Егорова, Г.В. Елизарова, Л.В. Куликова, М.А. Кулинич, В.Н.Куницына, Т.В. Ларина, М.Г. Лебедько, О.А. Леонтович, Н.И. Формановская, В.П. Фурманова, J.Austin, S.Blum-Kulka, P.Brown, H.Grice, J.Gumpertz, R.Lado, J.Laver, R.Lakoff, G.Leech, S.Levinson, V.Murphy, J.Neu, M.Owen, J.Searle, M.Sifianou, R.Scollon, S.Scollon, D.Tannen, J.Thomas, A.Trosborg, A.Wierzbicka и др.).

Научная новизна исследования заключается в

- выборе дистанцированности и компромисности (стержневых элементов традиции рассматриваемых (лингво)культур) в качестве системообразующих факторов типологического описания;
- разработке типологии, позволяющей установить доминантные черты культуры, отражающие специфику национального мировосприятия и определяющие коммуникативные доминанты британского и американского речевого поведения;
- выделении стратегий англоязычного общения на основе четкой систематизации критериев их лингвистического наполнения;
- обосновании нового комплексного подхода, позволяющего рассматривать тип культуры, структуру социальных отношений, базовые культурные ценности, принятые нормы, правила и стратегии коммуникативного поведения в их взаимозависимости и в совокупности причинно-следственных связей.

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечены логикой исходных методологических позиций, применением комплекса методов, адекватных цели, задачам, объекту и предмету исследования; отзывами членов НМС по иностранным языкам при МО РФ, на основании которых книге «Азы вежливого общения» (2001), ставшей лауреатом конкурса на лучший учебник года (2004), был присвоен гриф МО РФ «рекомендовано в качестве практического пособия по межкультурной коммуникации», а модульная программа курса английского языка была включена в сборник МО РФ (1998); успешной апробацией результатов исследования в практике преподавания в ГУ-ВШЭ.

Теоретическая значимость исследования состоит в создании

- инструментария для адекватного типологического культурологического описания, обобщения и классификации научных фактов из различных смежных областей знания;
- научной базы, обеспечившей выявление стратегий культурологического речевого поведения и системный подход к их лингвистическому наполнению.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Отношение к компромиссу между добром и злом и позиционирование человека в окружающем мире обуславливают доминантные черты британской и американской культур (и их наиболее существенные отличия от русской).
2. Дистанцированность и компромиссность, являясь культурными доминантами, проецируются на все уровни коммуникативного поведения британцев и американцев и определяют «стратегический» характер англоязычного общения.
3. Дистанцированность (основанная на принципе невмешательства) определяет базовые ценностные ориентации носителей культуры индивидуализма и проявляется в следующих тенденциях:
 - К четкому разграничению пространственно-временных зон в мире физическом и жесткой регламентации в сфере общения;
 - к демократичности и формальному сокращению дистанции «по вертикали» при сохранении или увеличении дистанции «по горизонтали» в сфере социальных отношений, а на вербальном уровне – в унифицированном «статусно-индифферентном» характере коммуникации;
 - к обособленности и сдержанности в сфере психо-эмоциональной при соблюдении условностей общения.
4. Компромиссность (как средство сохранения дистанцированности и privacy) лежит в основе мотиваций и проявляется:

- в тенденции к размыванию границ между добром и злом, между духовными и материальными ценностями в мировоззренческой, этической, социально-политической и пр. сферах,
 - в стремлении завуалировать разрыв между формой и содержанием, в акцентуации формальной стороны и бесконфликтной атмосферы общения.
5. Специфика прагматически ориентированной англоязычной коммуникации проявляется в сознательном допущении неоднозначности трактовок высказываемого и, как следствие, – в регулярных расхождениях между семантическим и прагматическим значениями. Для русскоязычного общения характерны акцент на сущностной стороне общения и совпадение вышеотмеченных аспектов высказываний.
 6. Коммуникативной доминантой англоязычного общения является *конвенциональность* (или *ритуализованность*), определяющая относительно высокую (по сравнению с россиянами) степень его имплицитности и косвенности, некатегоричности и эмотивности.
 7. Для американцев характерна большая (по сравнению с британцами) импульсивность, склонность к преувеличению и эмоциональность, прямолинейность, проявляющаяся в малой популярности «светской беседы» и стратегии намека, в относительно невысокой степени косвенности при выражении побуждений, личного мнения и оценки.
 8. Макростратегии *маневрирования* и *реагирования* (реализуемые в речи при помощи определенного набора лингвистических средств) являются для англоязычных коммуникантов основными стратегиями, регулирующими степень вербально оказываемого давления и эмоционального воздействия (позволяя не выходить за рамки условностей).

Практическая значимость исследования состоит в

- разработке классификации и системы предъявления лингвокультурологических фактов, обеспечивающей практическую возможность их интегрирования в курс английского языка;
- обосновании модульного подхода к обучению межкультурной коммуникации и его перспективности для практики преподавания,
- создании и успешной апробации комплекса разноплановых учебных материалов культурологического характера, имеющих коммуникативную направленность и ориентированных на развитие грамотного речевого и неречевого поведения и предотвращения коммуникативных сбоев при общении с носителями английского языка.

Апробация и внедрение результатов. Результаты исследования демонстрировались и получили одобрение на межвузовских, всероссийских и международных конференциях в Москве (1996–2004), Оренбурге (1996), Курске (1999, 2003), Ростове-на-Дону (1999, 2000), Самаре (2000), Волгограде (2001), Санкт-Петербурге (2001), Перми (2002), Нижнем Новгороде (2002), Саранске (2003), Тюмени (2004), Эдинбурге (*IATEFL* 1999), Нью-Йорке (*TESOL* 1999); а также обсуждались на страницах научных изданий и периодической печати: Вестник МГУ, Сб науч. трудов МГЛУ; Сб. науч. статей СПб ГУЭиФ; “English” (приложение к газете «Первое сентября»), “ESP/BESIG Russia” (a Newsletter for Russian Teachers), “ELT News and Views” (the Russian Magazine for EL Teachers) “Speak Out” и др. Исследовательская часть диссертации, связанная с разработкой стратегий речевого поведения и их лингвистического содержания, была детально обсуждена и одобрена зарубежными специалистами во время работы автора в США по программе *IVP* (*International Visitor Program*, 1999) и стажировок в

Великобритании (*Concorde International*, 1999; *Eastbourne School of English*, 2003). Результаты работы обсуждались в ходе чтения лекций и семинаров для российских учителей средних школ и вузовских преподавателей, проводимых под эгидой издательств «Центрком» (Санкт-Петербург, 2000, Самара, 2000, Волгоград, 2001, Москва, 2001), «Титул» (Обнинск, 2001, 2002), «Первое сентября» (Москва, 2002, 2003), а также демонстрировались на мастер-классах в Кэнтербери (*Concorde International*, 1999 – во время стажировки), Санкт-Петербурге (1999, 2000 – в рамках ежегодных Рождественских чтений СПб ГУЭиФ), Нижнем Новгороде (1998) и Перми (2002). Опубликованные учебные пособия и концепция оптимального построения программы курса на основе модульного подхода прошли успешную апробацию в течение 7 лет работы кафедры английского языка ГУ-ВШЭ и ее филиалов. В целом по теме диссертации у автора имеется 60 публикаций культурологической и лингвистической направленности общим объемом ок. 80 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и новизна, формулируются цели и задачи на основе выдвинутой гипотезы, описываются методы исследования и его теоретическая основа, определяется место данной работы в ряду современных исследований, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Доминантные черты культуры британцев, американцев и россиян» проводится системное описание специфики мировосприятия, регуляции поведения в традициях рассматриваемых культур исходя из принятого в них отношения к компромиссу и дистанцированию; по результатам устанавливается корреляция релевантных в данном контексте личностных черт как ценностей с

базовыми мотивационными ориентациями в сфере духовной и материальной.

Во второй главе «Доминантные черты коммуникативного поведения британцев, американцев и россиян» выявленные культурообусловленные особенности мировосприятия рассматриваются в проекции на поведенческий уровень (исследуется специфика пространственно-временной организации общения, социального межличностного взаимодействия и расхождения в уровне контекстности), устанавливаются основные закономерности возникновения интерференции и определяются доминантные черты англоязычного и русскоязычного общения.

В третьей главе «Стратегии англоязычного общения как отражение доминантных черт коммуникативного поведения» на основе анализа коммуникативных доминант в свете реализации категории вежливости обосновываются критерии выделения речеповеденческих стратегий, отбора и классификации языкового материала, составляющего их лингвистическое содержание (и представленного в терминах, доступных для русскоязычной аудитории); также рассматриваются практические возможности решения проблем эффективной англоязычной коммуникации при помощи модульного подхода и намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

В заключении подводятся итоги проведенного анализа, оценивается эффективность комплексного междисциплинарного подхода к рассмотрению выбранной проблематики

Основное содержание работы

В рамках первой главы, носящей по преимуществу обзорно-аналитический характер, сначала рассматриваются принципы регуляции поведения человека и особенности национального мировосприятия, отражающие проявления или отклонения от

основного русла культурной традиции – англо-американской (преимущественно протестантской) и русской (православной). Допущение компромисса в различии добра и зла и ослабление компонента *религиозности* в современном обществе привели к переоценке христианских ценностей и изменению базовых мотиваций: принципиальные вопросы принято рассматривать «рационально» – через призму их полезности, и прагматизм ставится выше убеждений. Так, у британцев вера больше в голове и воле, а не в сердце, культивируется не столько внутренняя жизнь, сколько деятельность (Митр. Вениамин 1994); на американской почве англосаксонское благочестие приняло форму доверия и приспособляемости (Сантаяна 2003). Ориентация на достижение компромисса является доминантной для протестантизма (равно как и католицизма) и обнаруживает себя практически во всех сферах жизни; православие же традиционно ориентировано на бескомпромиссность – особенно в трактовке принципиальных вопросов, и на осознание четкого различия между добром и злом.

Принадлежность к духовной традиции определяет и позиционирование труда в иерархии культурных ценностей, обнаруживая диаметрально противоположность базовых установок: на достижение материального благосостояния, с одной стороны, и внутреннего совершенствования, с другой. Для протестантов во главу угла выносятся мотивация труда и достижений, тогда как в православии ей традиционно отводилось подчиненное место (при приоритетности *внутреннего делания*). Базовой ориентацией на высшие – духовные – ценности обусловлено отсутствие у русских «культы» частной собственности и применение правовых норм (не столь детальных, как на Западе) вместе с «неписанным» законом

*совести*⁶, которая традиционно являлась главным критерием поведения. В традиции индивидуалистической англо-американской культуры это понятие трактуется с позиций субъективизма как личная совесть человека, а понятия *справедливости* (в его христианской трактовке) и моральной *ответственности* человека заменяются «ответственной» свободой и многочисленными юридическими «правами человека», положенными в основу современной демократии. Регуляция поведения человека осуществляется на основе сложившихся социальных установок – общепринятых правовых норм, а критерии контроля опираются на принцип *формально* понимаемой законности, отражая ориентацию на достижение компромисса.

В традиции протестантизма в результате ослабления внимания к сущностным моментам акцент переносится на внешнюю сторону явлений, что служит почвой для развития формализма. В вопросах принципиальных нередко имеет место сознательное допущение двусмысленности трактовок для оправдания компромисса (исторически соотносимое с концепцией «ментальной резервации»⁷) и в свою очередь способствуют развитию «толерантности к неоднозначности» высказываний и десемантизации ключевых понятий. Именно в этом – источник стиля двойных стандартов и лежащего в его основе двойственного отношения к морали, ее разделения на *внешнюю* и *внутреннюю*⁸. Нравственный индифферентизм и субъективизм в определении добра и зла

⁶Совесть понимается в православии как соответствие поступков человека нравственным принципам и предполагает личную моральную ответственность, основанную на строгом соблюдении христианских заповедей

⁷ Допускающая возможность неоднозначной трактовки догматов, она является удобной почвой для сглаживания противоречий при сохранении внешнего образа ревностного служения христианской Истине. Так, вынужденный вербально давать оценку, идущую вразрез с его мнением, католический священник сознательно обращается к неоднозначному способу выражения, делая про себя мысленную оговорку и тем самым намеренно вводя ближнего в заблуждение (Огацкий 1999).

⁸ Внутренняя мораль выражается в принятии евангельских заповедей, а внешняя – существующего миропорядка как от Бога установленного (Зноско-Боровский 1991 65-81)

(Назаров, 1999; Роуз, 2001) в перспективе предполагает тенденцию к дальнейшему компромиссу и сближению с восточными нехристианскими традициями⁹ (что не характерно для русской культуры ввиду глубинной специфики православного мировоззрения, имеющего мало общего как с индивидуализмом Запада, так и с коллективизмом нехристианских культур Востока).

Научное мировоззрение человека протестантской традиции, ориентированное на материально-техническое развитие цивилизации, предполагает примат (индивидуального) разума над чувственным восприятием и способности интеллекта как главного инструмента познания мира. К основным характеристикам рационалистического образа мышления относятся *механистичность, детерминизм, схематизм, нормативизм* (Эрн 2003). Специфика англо-американской научной традиции обусловлена аналитическим мышлением и линейной логикой, на основе которых достигается четкая категоризация явлений и жесткая сегментация сфер исследования (Burke 1974; Hall 1981; Kim 2000, Thayer 1983 и др.) – в отличие от традиций российской науки, опирающейся на синкретическое мышление и интуицию и обнаруживающей тенденцию к целостности (Данилевский 2003; Лосский 1957; Менделеев 1905; Соловьев 1989; Флоренский 1992; Хомяков 1861 и др.).

Рассмотрение работ культурологической направленности (Kluckhohn 1961; Samovar et al. 1981; Kohls 1984; Rancour-Laferriere 1995; Smith, Schwartz 1997; Войскуновский 1990; Гейхман 2001; Лебедько 2002 и др.) под выбранным углом зрения позволяет говорить о субъективизме мышления, релятивизме и плюрализме оценок (что в случае россиян говорит об отходе от отечественных

⁹Например, ориентация на *коммунитаризм* предполагает нечто среднее между индивидуализмом Запада и коллективизмом Востока, между эгонстической независимостью и заботливостью, между *я-мышлением* и *мы-мышлением* (Майерс 1997; Kim 2000)

традиций). Так, например, весьма характерна «вариативность» при распределении культур по шкале «природа человека»: согласно результатам одного исследования, американцы по своей природе – *basically evil* – на основании христианского представления о первородном грехе (Kluckhohn 1961), в другом же (проведенном около 20 лет спустя) – их природа – *basically good* – на основании общечеловеческих представлений (Kohls 1984), – что в целом свидетельствует о компромиссности научного мировоззрения

Анализ восприятия пространства и времени, личности и власти в свете дистанцированности позволил выявить специфику базовых ценностных ориентаций представителей рассматриваемых культур. Британцы и американцы воспринимают пространство через призму личности и прагматической полезности, основываясь на сильно развитом чувстве «территориальности», которое постепенно преломилось в отношении к пространству как к собственности. Под влиянием идей индивидуализма из своеобразного сочетания «территориальности» и *privacy* на почве британской и американской культур дистанцированность превратилась в одну из базовых ценностных ориентаций. Восприятие пространства русскими традиционно определялось целостностью их представления о мире (основанного на четкой иерархической упорядоченности) и при позиционировании человека опиралась на традиции православия

Специфика восприятия времени британцами и американцами проявляется, прежде всего, в установившемся рациональном подходе к организации жизненного распорядка: четкое структурирование монохронного (*M*) времени можно расценивать как проявление временной дистанцированности, отражающей тенденцию к обособленности членов общества. Русская культура может быть отнесена к противоположному «полихронному» (*P*) полюсу лишь отчасти – в силу особенностей традиций православия, которые не

могли не отразиться на своеобразии формирования этой ценностной ориентации. Существующие различия в отношении так называемого *неформального времени* свидетельствуют о весьма значительных расхождениях по параметрам точности и скорости. Британцы и американцы склонны оценивать по данным критериям эффективность в достижении результата, тогда как для россиян на первый план выступает синхронизация ритмов межличностного взаимодействия. Анализ культурно-специфического восприятия *психологического времени* подтвердил существующие выводы о месте американцев, с их устремленностью в будущее, на одном полюсе «хронологической» оси, а более консервативных британцев и россиян – на противоположном. Более существенно, однако, что в трактовке времени зарубежными учеными абсолютно не учитывается фактор духовной жизни (определяющий ориентацию по оси «*преходящее вечное*»), влияние которого на формирование отношения ко времени русскими нельзя недооценивать, – исторически стремление к вневременному и вечному являлось неотъемлемой частью культурной традиции, отражаясь в различных формах творчества.

Исследование ценностных ориентаций в «пространственно-временном» и «горизонтально-вертикальном» измерениях позволило выявить следующие характерные для представителей рассматриваемых индивидуалистических культур тенденции.

1. Стремление к обособленности личности (коренящееся в сильно развитом «чувстве *privacy*» – свободы и самодостаточности индивидуума), выражающееся в личной независимости, замкнутости на своих интересах. В основе этой ценностной ориентации, условно обозначенной как пространственно-временная дистанцированность, лежит эгоцентрический принцип невмешательства (что для русской культуры не характерно ввиду отсутствия «культы *privacy*»)

2. Установка на минимизацию дистанции «по вертикали» при сохранении или увеличении дистанции «по горизонтали», исходящая из декларируемого стремления к идеалам равенства и демократии при соблюдении права независимости и свободы личности

Дальнейшее исследование дистанцированности в сфере общественных отношений и анализ культурных компонентов понятий *свобода* и *ответственность*, *дружба* и *доверие*, подтверждает наличие существенных расхождений в трактовке принципов *независимости* и *взаимозависимости*, лежащих в основе социального взаимодействия. Наиболее важным представляется двуплановость значений русских слов, отражающая соотнесенность с внутренней (например, *свобода духа*) и внешней сферами жизни в традиции православия (в культурном компоненте английских слов подобная референция отсутствует). В терминах дистанцирования это можно выразить так: высокая степень (внешней) независимости индивида соответствует высокой степени его дистанцированности от остальных членов общества, тогда как (взаимо)зависимость способствует сокращению этой социальной дистанции); однако только внутренняя независимость может считаться реальным «регулятором» дистанцирования и влияния тенденций конформности.

Рассмотрение системы ценностных ориентаций носителей англоязычной и российской культур, отражающих специфику национального мировосприятия, позволило установить иерархию личностных черт как ценностей, релевантных для настоящего исследования с точки зрения их проявления в коммуникативном поведении. Ниже мы попытались (в достаточной мере условно) распределить по группам наиболее распространенные характеристики.

Иерархия личностных черт как ценностей в рассматриваемых культурных традициях

британской	американской	русской
практичность, рационализм, трудолюбие		духовность, бескорыстие
«толерантность», гибкость		принципиальность
дистанцированность, самодостаточность, (психо-эмоциональная) независимость		сострадание, сочувствие, сердечность
самообладание, «стойцизм»		терпение
самостоятельность, демократичность		подчинение авторитету
амбициозность, честолюбие		скромность, альтруизм
сосязательность, достижение успеха		взаимовыручка
дружелюбие, оптимистичность		глубокая искренняя дружба
соблюдение условностей	целеустремленность	откровенность
сдержанность	непринужденность	естественность
следование традициям	стремление к перемена	следование традициям

Эти расхождения в дальнейшем проявились на уровне вербального общения и обусловили наблюдаемые особенности речевого взаимодействия британцев, американцев и россиян.

Во второй главе анализ особенностей коммуникативного поведения британцев, американцев и россиян выявил существенные расхождения в подходах к общению практически по всем параметрам как с точки зрения его содержания и структуры, так и на организационно-коммуникативном уровне. Рассмотрение специфики мировосприятия в свете дистанцирования дало возможность комплексного подхода к трактовке сложных взаимообусловленных моделей поведения их носителей, позволяя достаточно четко обозначить место выявленных характеристик в общей системе ценностных ориентаций.

Коммуникативная дистанцированность, наблюдаемая при англоязычном общении, отражает прагматические установки человека индивидуалистической культуры, тогда как в общении

россиян в большей степени сохраняется традиционная трактовка нравственных норм как основного регулятора поведения в обществе. В целом это различие является одним из главных источников интерференции в процессе межкультурного взаимодействия, и его игнорирование россиянами приводит к непониманию намерений и поступков англо-говорящих коммуникантов.

Пространственно-временная организация общения в англо-американской коммуникативной традиции регулируется главным образом на основе принципа невмешательства, а в русской – принципа сопричастности, что – в силу разнонаправленности их ориентации – свидетельствует о проявлении диаметрально противоположных тенденций на уровне коммуникативного поведения. Британцы и американцы склонны к увеличению горизонтальной дистанции и «формальной коммуникабельности», а россияне – к большему сближению и открытости. Ориентированные на демократичность и соблюдение принципа формального равенства, британцы и американцы обнаруживают стремление к минимизации дистанции власти, что контрастирует с большей дистанцированностью россиян, исходящих из признания фактического неравенства и соблюдающих принцип иерархичности при асимметричном межличностном взаимодействии.

Высокая приоритетность внешнего, поверхностного общения британцев и американцев отражает специфику рационалистического мировоззрения, корящуюся в разрыве между сущим и мыслью (Эрн 2000) и, соответственно, – между формой и содержанием. Акцент на *формальной* стороне коммуникации во многом определяется установкой на дистанцированность и на поиск компромисса как средства ее достижения; в этом состоит основополагающее отличие англо-американской коммуникативной традиции от русской, в которой акцентируется *сущностная* сторона.

Трактовка информативного общения в свете расхождений в уровне контекстности дала возможность конкретизировать существующее представление о его культурной обусловленности, обобщить имеющиеся данные и обозначить доминанты. Прагматическая ориентация коммуникативного поведения *низкоконтекстных (НК)* британцев и американцев во многом является следствием их рационалистического подхода, тогда как для *высококонтекстной (ВК)* русскоязычной культуры характерен более сложный по своей структуре тип общения (зависимый от контекста).

Анализ особенностей социального общения британцев, американцев и россиян (посредством приводимых ниже шкал) способствовал дальнейшей детализации существующих культуро-вариативных правил, регламентирующих их коммуникативное поведение как с точки зрения выбора тематики и содержания, так и на организационно-коммуникативном уровне

Шкалы сопоставления культуро-обусловленных особенностей англоязычного и русскоязычного общения

критерии	параметры
<i>структурный</i>	структура процесса общения, характер участия
<i>тематический</i>	дифференциация сфер общения, регламентация тематики
<i>количественный</i>	объем и количество реплик, степень информативности общения
<i>аффективный</i>	степень выраженности эмоций, использование экспрессивных средств
<i>реляционный</i>	социальный статус, степень близости знакомства
<i>интенциональный</i>	общая ориентация общения, выражение собственной позиции

Использование шкал вариативности для детального анализа выбранных параметров по базовым критериям дало возможность систематизировать имеющиеся данные и сформулировать (в качестве тенденций, а не в абсолютных терминах) доминанты формальной, содержательной, количественной, эмоционально-оценочной, реляционной и интенциональной сторон общения.

Для индивидуалистических англоязычных культур базовой ценностной мотивацией общения является забота о сохранении лица коммуникантов и их *privacy*, что достижимо на основе создания бесконфликтной атмосферы исключительно посредством компромисса и предполагает строгое соблюдение условностей. В плане структурной организации ориентация на безупречность формы, приоритетная для англоязычной коммуникации, отражается в четкой регламентации процесса общения, основанной на строго определенной последовательности его этапов, равномерном распределении между коммуникантами «долей» участия и ответственности за непрерывность коммуникативного контакта. Содержательная сторона англоязычной коммуникации также жестко регламентирована на основе строго разграниченных сфер общения, определяющих специфику выбора тематики и характер обсуждения, который в целом отличается сравнительно невысокой степенью открытости ввиду ориентации на соблюдение формы.

Разграничение по критерию количества для британцев и американцев зависит от реализации определенной прагматической установки: лаконичность более характерна для ситуаций официального общения, тогда как акцент на его фатической стороне допускает многословие при относительно невысокой степени информативности и многократной повторяемости однотипных речевых формул, несущих преимущественно функциональную, а не смысловую нагрузку. При актуализации информативного аспекта (преимущественно в связи с потребностью в информации для решения узконаправленных коммуникативных задач) наиболее релевантным становится уровень контекстности и наблюдается определенная склонность британцев и американцев к многословию (характерная для НК-культуры); при этом, однако, в системе М-времени высоко ценится краткость и точность. Для русскоязычного

общения характерен большой объем высказываний и более высокая степень информативности, что в целом зависит от контекста ситуации и отношений между коммуникантами.

Склонность к аффектации на общем фоне эмоциональной сдержанности, к многократной демонстрации преувеличенного внимания к собеседнику при нейтральном (а чаще – формально-безразличном) к нему отношении отличает бытовое англоязычное коммуникативное поведение, которое в эмоционально-оценочном аспекте обнаруживает определенную двойственность. Коренящаяся в привычке к неоднозначной манере высказывания и обусловленная прагматической установкой на эмотивность¹⁰, данная особенность отражается в сознательной регуляции использования экспрессивно-оценочных средств (проявление истинных чувств ограничено сферой неформального общения; определенная склонность к сентиментальности наблюдается в ориентации на сам источник эмоций, а не на участников коммуникации). Эта двойственность объясняет распространенность таких противоположных стереотипов, как любезность и доброжелательное расположение (особенно американцев) и безразличие и холодность (особенно британцев). Для контекстозависимого русскоязычного общения характерна тенденция к искренности и спонтанному проявлению эмоций, основанная на доверии и сердечности, а также разнообразие используемых экспрессивных средств. Эмоциональная нейтральность, наблюдаемая в ситуациях официального общения, в неформальной беседе обычно оценивается менее позитивно (поскольку в традиционном понимании нередко граничит с безразличием).

Реляционная сторона англоязычного коммуникативного поведения также обнаруживает определенную двойственность. Общая установка на социальное равенство проявляется в усилении

¹⁰ Эмотивность трактуется нами как выражение эмоций в стратегических целях (Ларина 2003)

тенденции к демократичности и в распространении статусно-индифферентного унифицированного подхода к общению независимо от асимметрии социальных отношений; в результате для англоязычного поведения нормой являются коммуникативная неформальность (внешне свидетельствующая о близости взаимоотношений коммуникантов), на фоне чисто формального, поверхностного внимания как к содержательным аспектам, так и к реляционным. Для русской культуры в связи с традиционным акцентом на сущностных моментах – в окружающем мире и в людях – характерен индивидуальный (личностный) подход; при симметричном взаимодействии степень формальности/неформальности зависит от интуиции, внимания к изменению внутренних состояний коммуникантов и к сущностным аспектам общения, а также – от контекста ситуации в целом. В случаях социальной асимметрии имеет место статусно-дифференцированный подход, варьируемый в соответствии с иерархическим положением собеседников и степенью близости знакомства.

Интенциональную направленность англоязычного общения в свете ярко выраженной целевой ориентации на сохранение лица можно обозначить как манипулятивно-конвенциональную. При этом оказание коммуникативного воздействия на адресата достигается на основе уступок и соблюдения формальностей во имя поддержания бесконфликтной атмосферы общения и психологического равновесия. Доминантами коммуникативного поведения россиян в данном аспекте являются рефлексивность и дискуссионность, проявляющиеся в активном вербальном выражении собственной позиции при отсутствии страха перед возможной конфронтацией, в готовности открыто отстаивать свои принципы. Русскоязычное общение традиционно отличалось серьезным неформальным подходом, основанным на стремлении проникнуть в суть

происходящего, результатом чего стала, с одной стороны, достаточно высокая информативность беседы (при отсутствии жесткой регламентации), а с другой – дискуссионность, бескомпромиссность, эмоциональная вовлеченность и активность участия в процессе коммуникации. Невысокая ценность фатического и формального общения, смещение акцента на информативную и реляционную стороны коммуникации предполагают (при отсутствии рационального подхода) достаточно высокую степень искренности и открытости (что проявляется в свободном выражении личного отношения, в прямом выражении побуждений и особенно в распространенной форме сердечных душевных разговоров) и свидетельствуют о приоритетности контактов, основанных на взаимном доверии и откровенности. Результаты проведенного анализа схематически можно представить следующим образом

Доминантные черты англоязычного и русскоязычного общения

Англоязычное общение	Русскоязычное общение
структурно-формализованное	структурно-вариативное
тематически дифференцированное	тематически вариативное, диффузное
количественно регламентированное	количественно вариативное
унифицированное, демократичное	индивидуальное (личностное)
статусно-индифферентное	статусно-дифференцированное
эмотивное, эмоционально нейтральное	эмоциональное, неаффективное
манипулятивно-конвенциональное, бесконфликтное	сущностно-рефлексивное, дискуссионное

Во второй главе доминантные черты соотносятся с наиболее характерными для их реализации речевыми актами; в третьей главе особенности англоязычных коммуникативных традиций рассматриваются в свете различных подходов к вежливому общению, и полученные результаты далее конкретизируются и верифицируются на лингвистическом материале, составляющем содержание речеповеденческих стратегий.

Анализ культуро-специфической трактовки *вежливости* дал возможность уточнить культурный компонент самого понятия и динамику его развития. Обращение к данным истории и этимологии свидетельствует о том, что изначально «вежливый» британец был человек *сознательный, соблюдающий приличия и обладающий «рафинированным» манерами*, а русский – *сведущий, опытный и совестливый*. Проведенное исследование позволяет отнести понятие *вежливость* в традиционном русском понимании к морально-этической сфере – в отличие от ее рациональной ориентации на выполнение общепринятых социальных установок в традициях англоязычных культур (что свидетельствует о неправомерности единообразной трактовки этого понятия).

Распространенность «стратегического» подхода к вежливому общению (равно как и его направленность) отражает специфические черты англо-американской культуры и ценностные ориентации ее носителей и в целом свидетельствует о манипулятивном и эмотивном характере англоязычного общения. Вежливое русскоязычное общение в его современной трактовке предполагает естественность, уважительность, тактичность, открытость, доверчивость к слову, сердечность, «регулируемые» в зависимости от контекста ситуации на основе интуиции и статусной дифференциации коммуникантов, «этикетная» вежливость ограничивается преимущественно сферой официального общения.

Анализ «универсальной» теории вежливости дал возможность более четко определить характер существующих межкультурных различий. Вежливость британцев и американцев ориентирована на сохранение *лица* (и *privacy*), для чего требуется *дистанцироваться* от собеседника и найти *компромисс*, необходимый для соблюдения баланса между интимностью и дистантностью, асимметричностью отношений и равенством (Brown, Levinson 1987) В практике

речевого общения это реализуется посредством различных стратегий, для которых характерна высокая степень некатегоричности, имплицитности и косвенности. Наибольшие расхождения наблюдаются при трактовке речевых задач, условно объединенных нами в три типа:

выражение мнения /отношения		выражение побуждения	обмен информацией
позитивного	негативного		
благодарность, комплимент, похвала и др.	жалоба, обвинение, критика и др.	предложение, приглашение, приказ, просьба, совет и др.	описание, объяснение, запрос и др.

Именно высокая степень косвенности представляет для россиян проблему при попытке «читать между строк», заставляя расшифровывать соотношение первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значения англоязычных высказываний. В диссертации доказывается, что неоднозначность интерпретации коммуникативного поведения британцев и американцев, проявляющаяся в наличии существенных и регулярных расхождений семантического и прагматического значений, соотносима с вышеотмеченной привычкой к намеренно двусмысленному способу выражения. В свете рациональной направленности англоязычного общения, с его акцентом на форму, это (неприемлемое для россиян) противоречие (между тем, что говорится, и что реально подразумевается) в традициях англо-американской коммуникативной культуры таковым не считается ввиду неоднозначности трактовки понятия *ложь*¹¹. Критерием наличия лжи при речевом общении является намерение обмануть, а не *несоответствие высказывания истинному положению дел* (Agar 1994; курсив наш – Ю.К.). В американской культуре, акцентирующей создание позитивного впечатления и ободрение как стимул для

¹¹ В отечественных исследованиях это расхождение рассматривает Г В Елизарова (2001)

последующего действия, имеют место фактически искажающие действительность высказывания, поскольку *ложь* понимается как прагматический акт, имеющий своей целью создание заведомо неверного впечатления (Palmer 1996). В британской культуре «ложь во благо слушающего» (*white lie*) считается не только допустимой, но часто и желательной (Brown & Levinson 1987); как британцы сами говорят о себе: *"In conversation the English hardly ever lie, but they would not dream of telling you the truth"* (Miall 1993: 14) – по контрасту с русскими, предпочитающими «горькую» правду. Англо-говорящие коммуниканты используют большое количество ритуализованных семантически опустошенных формул, незнание специфики функционирования которых способствует укреплению стереотипа о лицемерии. Социально обусловленная необходимость соблюдения правил демонстративной вежливости формально позволяет трактовать подобное коммуникативное поведение не как лицемерное (если под *лицемерием* понимать «сознательную неискренность»), а как конвенциональное проявление «этикетной» вежливости.

Основным источником интерференции служат побудительные, информативные и экспрессивные речевые акты (РА) – ввиду существенных различий по *количественному, аффективному, реляционному и целевому* критериям, что схематично представлено ниже.

Специфика коммуникативного поведения

при выражении	англоязычное общение	русскоязычное общение
побуждения	косвенность	прямолинейность
позитивной оценки	преувеличение	преуменьшение
негативной оценки	смягчение, преуменьшение	категоричность, преувеличение

Доминантой англоязычного коммуникативного поведения является *конвенциональность* или *ритуализованность*, с характерной ориентацией на достижение компромисса на основе соблюдения целого ряда общепринятых условностей – негласных соглашений,

очевидных для любого носителя культуры. Этим определяется сравнительно высокая степень имплицитности и косвенности, некатегоричности и эмотивности вербальной коммуникации. Для носителей русскоязычной культуры характерна *естественность*¹² общения, предполагающая достаточную свободу выбора возможных линий поведения (в зависимости от контекста, интуиции, социальной дистанции, психо-эмоционального состояния коммуникантов), не ограниченную жестко регламентированными рамками условностей, и при необходимости допускающая оказание коммуникативного воздействия на собеседников. Данная доминанта определяет эксплицитность и однозначность, категоричность и эмоциональность русскоязычного общения.

В целях предотвращения интерференции для эффективного контакта с англо-говорящими собеседниками россиянину следует знать, что они руководствуются следующими коммуникативными правилами: 1) соблюдайте регламент, меру и пропорцию и 2) соблюдайте дистанцию, держите собеседника на расстоянии. Первое правило основано на выполнении общепринятых требований на организационно-коммуникативном уровне – преимущественно в отношении фаз коммуникативного контакта – и предполагает знание различий по *формально-структурному* и *тематически-содержательному* критериям. Второе – предполагает знание коммуникативных стратегий, позволяющих адекватно употреблять различные речевые средства (в том числе и формулы) при решении конкретных коммуникативных задач.

Стремление к достижению компромисса на вербальном уровне – посредством *дистанцирования*, *уклонения* и *намек* – отражается в макростратегии *маневрирования*, ориентированной на любого из говорящих, тогда как *оказание коммуникативной поддержки*

¹² Т.В. Ларина (2003) также отмечает коммуникативную естественность современных россиян

собеседнику (в целях поддержания беседы) и *поддержание коммуникативного контакта* составляет макростратегию *реагирования*, адресованную преимущественно слушающему что схематически представлено ниже.

Стратегии англоязычной коммуникации

макростратегия маневрирования			
стратегии	дистанцирования	уклонения	намёка
макростратегия реагирования			
стратегии	поддержки собеседника	поддержания контакта	

Сами названия стратегий отражают характерные черты англоязычной коммуникации: высоко развитые возможности вербального лавирования, уклонения от прямолинейности и частотность обращения к иносказательным высказываниям. Наиболее ярко варьирование и регуляция процесса общения проявляются в побудительных речевых актах и в ситуациях, требующих выражения личного отношения, а также принятия ответственности за силу речевого воздействия и достоверность высказывания.

Указанные стратегии определялись с учетом таких факторов, как речевая ситуация и прагматическая цель общения, степень близости знакомства, социальный статус собеседников и др., и строились (в отличие от стратегий *негативной* и *позитивной* вежливости), исходя из их адресной ориентации на русскоязычную аудиторию. Центральной и наиболее трудоемкой задачей был отбор и классификация конкретного лингвистического материала, позволяющая не просто раскрыть механизмы действия речеповеденческих стратегий, но и практически использовать их для эффективной англоязычной коммуникации. Основываясь на результатах структурно-компонентного анализа семантики основных языковых элементов, используемых при реализации различных

речевых актов, были выделены наиболее частотные ряды слов, устойчивых словосочетаний и формул, грамматических и синтаксических конструкций, которые затем классифицировались (в соответствии с обозначенными выше понятийными критериями) и объединялись в группы. Это послужило базой для выявления различных техник в рамках выделенных тактик – в зависимости от предполагаемой цели общения, что отражено в нижеприведенной классификации.

Речеведенческие стратегии и тактики англоязычной коммуникации

стратегия	дистанцирования	
тактики	смещение временного плана	использование модальных глаголов
техники	смещение в прошлое или будущее	использование модальных глаголов в устойчивых конструкциях
	использование продолженного времени	использование модальных глаголов с условным наклонением
стратегия	уклонения (смягчения)	
тактики	уклонение от ответственности	смягчение посредством вопросов
техники	представления суждения как личного мнения	смягчение прямых побудительных высказываний
	представления суждения как обобщения	смягчение вопросительных высказываний
стратегия	намек	
тактики	регуляция значимости	отрицание как намек
техники	минимизация значимости	использование прямого отрицания
	снижение определенности	скрытое и двойное отрицание
стратегия	поддержки собеседника	
тактики	усиление значимости	подчеркнутое преувеличение
техники	интенсификация	гиперболизация значимости
	развернутая оценка и повтор	двойное преувеличение
стратегия	поддержания беседы	
тактики	развертывание односложных ответных реплик	заполнение пауз

техники	усиление согласия	вопросы как «знаки внимания»
	смягчение отказа	использование заполнителей пауз

Представляется, что формализация структурного аспекта и смещение акцента на набор лингвистических конструкций, являющийся «сквозным» системообразующим компонентом и составляющий основу коммуникативной стратегии (не замыкающейся на речевых актах) обеспечивает оптимальные возможности ее практического освоения. При англоязычном общении это позволяет коммуниканту (не-носителю языка) сфокусировать свое внимание преимущественно на выборе речевых средств адекватно контексту ситуации независимо от «привязки» к конкретным речевым актам. Лингвистическое содержание данных стратегий (подробно комментируемое в работе) можно проиллюстрировать на примере тактики *использования отрицания как намека (understatement through negation)*, которая включает техники *прямого, скрытого и двойного отрицания*, что схематически представлено ниже.

Тактика использования отрицания как намека

Types of negation			Functions
<i>explicit</i> , also with degree adverbs, transferred negation non-assertive words	<i>implicit</i> with: adj. like <i>little</i> / <i>few</i> ; negative adverbs etc.	<i>double</i> with: words of negative meaning (also with prefixes/ suffixes) adj., adv , vbs , preps	e.g . offer,(negative) attitude, criticism, dislike, statement of opinion, disagreeing

Техника прямого отрицания (Explicit negation)

Functions	Understatement	Statement
attitude	I'm <i>not</i> pleased with his manners.	= I'm definitely disgusted)
greeting	How are you? - Not <i>so</i> well, thank you	I'm not well = I am ill
dislike	I'm <i>not particularly</i> keen on TV	I'm not keen on TV = I hate TV
disagreeing	It is not <i>quite that</i> easy; you see	It is not easy = It is very difficult

disagreeing	<i>I don't think I could quite agree with it</i>	I think I can't fully agree = I disagree
statement	He didn't tell me <i>anything</i> about it	He told me nothing about it.
offer	<i>I don't suppose</i> you'll accept my offer	I suppose you'll not accept it (I hope you will)

Техника скрытого и двойного отрицания (Implicit and double negation)

Functions	Understatement	Statement
statement	He has <i>little</i> idea how engines work	He has no idea how engines work
statement	He <i>hardly ever</i> speaks in public	He never speaks in public
criticising	He <i>lacks</i> courage to give it up	He doesn't have courage to give it up
criticising	His plan is <i>not devoid</i> of drawbacks	His plan is full of drawbacks
statement	It is <i>not impossible</i> .	It is possible
opinion	He's <i>not without</i> pretensions	He has (many) pretensions

Рассмотрение стратегий англоязычного общения с точки зрения системного представления речевых средств, регулярно употребляемых для их реализации, способствовало дальнейшему раскрытию национально-специфических коммуникативных доминант и их верификации. В основе прагматического содержания намерений – побудительных и эмотивных – лежит эгоцентрический принцип волеизъявления, откровенное проявление которого, естественно, не входит в общепринятые нормы. В связи с этим правила приличия и «этикетной» вежливости на вербальном уровне призваны всемерно способствовать смягчению насильственного характера соответствующих высказываний, сообщая им оттенок неоднозначности, создавая видимость «опциональности», «неэмпозитивности», а также регулируя эмоциональный настрой в диапазоне от «коммуникативного пессимизма» до «коммуникативного оптимизма»¹³. В русскоязычной культуре эгоцентрированная установка «я хочу» в большинстве ситуаций заменяется морально-этической – «так надо», апеллирующей к

¹³ В кавычках – термины, используемые Т.В.Лариной (2003).

высокоразвитому чувству долга и ответственности, что делает допустимыми приказ и просьбу, критику и совет. Классификация англоязычных стратегий на основе набора речевых средств, наиболее часто используемых при реализации той или иной прагматической установки говорящих, позволила наглядно продемонстрировать расхождение семантического и прагматического значений.

Наиболее существенные различия коммуникативного поведения американцев и британцев (соотносимые с вышеотмеченными различиями в приоритетности социально желательных качеств) сводятся к следующим. Для американцев, уверенных в себе, в правильности своих действий и ценящих свое время, при выражении побуждений, личного мнения и оценки характерна относительно невысокая степень косвенности, – большая прямолинейность обусловлена их целеустремленностью и нежеланием заниматься «пустыми формальностями» – *small talk*. В их коммуникативной культуре стратегия *намек* пользуется сравнительно невысокой популярностью; также наблюдается большая импульсивность и эмоциональность как одно из проявлений их стремления к открытому и свободному самовыражению личности (при этом в ситуациях неформального общения допускается перебивать собеседника). Такая манера себя вести нередко вызывает реакцию неприятия со стороны британцев (как граничащая с бесцеремонностью), а американскую энергичность и напористость они нередко воспринимают в терминах оказания давления и проявления чувства превосходства¹⁴.

Для общения и британцев, и американцев стратегии *реагирования* являются незаменимыми – как для сохранения непрерывности коммуникативного контакта и его бесконфликтного

¹⁴Примечательно, что в руководствах для студентов-американцев, выезжающих в Великобританию, можно встретить специальные предупреждения о желательности снизить категоричность суждений (со ссылками на восприятие их британцами)

характера, так и для поддержания положительного имиджа коммуникантов. Правилами вежливости предписывается оказывать повышенное внимание партнерам по общению вне зависимости от статусной дифференциации, подчеркнуто благодарить, многократно извиняться, разнообразить комплименты, преувеличивая реальную значимость происходящего (иначе говоря, демонстрировать предельную доброжелательность и расположенность к общению), не забывая при этом гибко реагировать на реплики собеседника, не допуская возникновения пауз.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза полностью подтвердилось в ходе исследования: сохранение *дистанцированности* как ценностной ориентации, является главной целью англоязычной коммуникации в целом, а набор конкретных речеповеденческих стратегий и тактик диктуется стремлением к поиску *компромисса*.

В заключении рассматриваются возможности практического использования знаний теоретического характера в курсе межкультурной коммуникации, рассчитанном на российскую аудиторию, и намечаются некоторые направления перспективных исследований. Центральной задачей практической работы, нацеленной на освоение стратегий эффективного англоязычного общения россиянами, является предотвращение возникновения интерференции на уровне вербального поведения, что неосуществимо без опоры на фоновые знания межкультурного характера. Успешно оперировать большими массивами информации для получения такого рода знаний можно на основе модульного подхода¹⁵, опирающегося на принципы автономности и

¹⁵Модульный подход, опирающийся на системную подачу и классификацию учебного материала, способствует четкому определению приоритетных направлений и более осознанной расстановке акцентов в работе практически с любым языковым материалом, облегчая решение проблемы

«фокусировки» внимания. Данный подход характеризуется высокой степенью универсальности, поскольку позволяет, модифицируя целевые установки, сконцентрироваться на решении конкретно поставленной задачи при минимально-необходимом введении других, обеспечивая выбор оптимальной для каждого случая комбинации необходимых элементов – модулей. Трактовка речеповеденческих стратегий как серии целевых модулей, которые – в зависимости от выдвигаемой установки – можно гибко варьировать (выстраивая последовательно или параллельно, дробить или укрупнять, объединяя в блоки), свидетельствует о достаточно высокой эффективности обращения современного преподавателя к модульному подходу. Еще одной немаловажной задачей является моделирование возможных подходов к решению различных конкретных коммуникативных задач на основе создания разноплановых учебных материалов (не для механического заучивания, а, прежде всего – для *обсуждения*)¹⁶.

К перспективным направлениям дальнейших исследований можно отнести работы в русле прикладной прагматики, нацеленные на изучение потенциальных источников интерференции культурных норм, разрушения ложных стереотипов. Практическое воплощение полученных результатов может быть представлено в форме моделируемых сценариев «межкультурных» пьес для постановки в обучающем английском театре (Кузьменкова, 2003, 2004), отражающих возможности варьирования прагматических факторов для продуктивного решения комплекса задач, связанных с различными аспектами взаимодействия коммуникантов в разнообразных ситуациях общения.

формализации композиционно-структурных аспектов построения учебных программ См подробнее Кузьменкова, 2002.

¹⁶ Опыт такого подхода отражен в книге «Азы вежливого общения» (Кузьменкова, 2001)

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

Монографии

1. Модульный подход к проблемам эффективной англоязычной коммуникации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002 (8 п. л.).
2. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян – М.: ГУ-ВШЭ, 2004 (20, 5 п. л.).

Научные статьи

3. A Modular Programme: an Attempt at ELT Optimization// ESP Russia, a Newsletter for Russian Teachers of ESP, №7. – М.: The British Council, 1998. – Pp.3-5.
4. On Developing Cross-cultural Competence // ESP/BESIG Russia, a Newsletter for Russian Teachers of ESP, №9. – М.: The British Council, 1998. – Pp.31-33.
5. Модульный подход к построению учебных программ и пособий для неязыковых вузов // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч. статей, вып.1. Пути взаимодействия языковых и неязыковых кафедр в неязыковом вузе /Под ред. Ю.Б. Кузьменковой.–М.: ГУ-ВШЭ, 1999.–Сс. 49-58.
6. Some Strategies of Tentative Verbal Behaviour in Business English Courses // ESP/BESIG Russia, a Newsletter for Russian Teachers of ESP, №10. – М.: The British Council, 1999. – Pp. 25-28.
7. Опыт применения модульного подхода к обучению в комплексе школа-вуз//Проблемы филологии и методики преподавания ИЯ. Сб. науч. статей, вып. 3.– СПб: ГУЭиФ, 1999. – Сс.245 -249.
8. Classroom Management through the Prism of Politeness // ELT News and Views. The Russian Magazine for EL Teachers, № 3-4 (11-12). – М.: Динтернал, 1999. – Pp.20-22.

9. Некоторые особенности формального и неформального стилей общения // Проблемы филологии и методики преподавания ИЯ Сб. науч. статей, вып. 4. – СПб: ГУЭиФ, 2000. – Сс.76-81
10. Некоторые возможности оптимизации учебного процесса на основе модульного подхода // Новые технологии коммуникативно ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Сб. науч. трудов МГЛУ, вып. 449 – М.: МГЛУ, 2000. – Сс. 95-104.
11. Некоторые особенности британского менталитета и их отражение на вербальном уровне // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч. статей, вып. 2. Межкультурная коммуникация: теория и практика. / Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – Сс. 129-145.
12. О преподавании языка социального общения // Ценностно-мотивационные и содержательные аспекты преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Сб. матер. межвуз. науч.-мет. конф. 13.11.2000. – Н.Новгород: НФГУ-ВШЭ, 2001. – Сс.119-125.
13. Strategies of Verbal Behaviour: the two "a's" of British Politeness // ESP/BESIG Russia, a Newsletter for Russian Teachers of ESP, №14. – Moscow: The British Council, 2001. – Pp. 16-19.
14. ELT theatre: a New Approach to Drama Activities (в соавт. с А.П. Кузьменковым) // Вестник МГУ, сер.19 Лингвистика и межкультурная коммуникация №3. – М.: МГУ, 2002. – Сс. 50-54.
15. Drama Activities in a Retrospective and Perspective (в соавт. с А.П. Кузьменковым) // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч. статей, вып. 4. ELT. Век XXI: Что взяли мы себе в наследство? / Под ред. Ю.Б.Кузьменковой. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – Сс. 103-108.
16. Школа и вуз: вновь на пороге перемен // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч.

- статей, вып.4. ELT. Век XXI: Что взяли мы себе в наследство? / Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – Сс. 3-6.
17. Intercultural communication: foundations for a practical course design//BESIG Russia. Business English in the Business World. 4th International Biannual Conf Proceedings Ekaterinburg The Ural St Univ. of Economics 26-28.06 02.–The British Council, 2002.–Pp 57-64
- 18 О формировании кросс-культурной компетенции при обучении иностранным языкам // Английский язык в школе. Научно-методический журнал, № 1. – Титул: Обнинск, 2002. – Сс 58-61.
19. Адекватный перевод рекламы как одна из проблем межкультурной коммуникации (в соавт. с А.П. Кузьменковым) // Вестник МГУ, сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3. – М.: МГУ, 2003. – Сс.49-54.
- 20 Межкультурный компонент в преподавании ИЯ в неязыковом вузе // Язык в системе мультикультурного общества. Сб статей по материалам науч.-мет конф / Под. Ред. Н.И. Смирновой, Т.А. Ненашевой. – Н. Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2003. – Сс.172-177.
- 21 Проблема подбора и адаптации учебного материала для студентов неязыковых специальностей (в соавт. с Е.Ф. Братцевой, Л.В. Тарасенко) // Язык в системе мультикультурного общества. Сб. статей по матер. науч.-мет конф. / Под. Ред. Н.И. Смирновой, Т.А. Ненашевой. – Н.Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2003. – Сс. 247-252.
22. Using drama in an ELT classroom // Языки в современном мире. Сб. матер. Междунар. н.-практ конф. 24-25.09.03. – Саранск: Мордовский гос. пед Ин-т им.М.Е. Евсевьева, 2003. – Сс 10-11.
- 23 The ELT Theatre: Drama Activities through the Prism of Pragmatics (в соавт. с А.П. Кузьменковым)// Вестник МГУ, сер 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация, №3.–М: МГУ, 2003 – Сс 118-130
24. О системном подходе к развитию навыков межкультурной компетенции при обучении английскому языку // Вестник МГУ,

- сер.19 Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2. – М.: МГУ, 2004. – Сс.32-42.
25. Возможности обучающего театра в решении проблем эффективной англоязычной коммуникации // Пути повышения эффективности обучения иностранным языкам в школе и вузе в свете современной образовательной парадигмы. Сб. матер. межд. конф.– Тюмень: Тюменский гос. ун-т.2004. – Сс.58-60.
26. Учебный процесс и проблемы эффективной коммуникации // Вестник МГУ, сер.19 Лингвистика и межкультурная коммуникация № 2/2004. – М., МГУ, 2004.- Сс.32-42
27. Специфика англоязычного и русскоязычного информативного общения // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч. статей, вып.5. Студент и учебный процесс: иностранные языки в высшей школе/Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – Сс. 190-204.
28. Воспитание в духе толерантности в свете культурных традиций // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Сб. науч. статей, вып.5. Студент и учебный процесс: иностранные языки в высшей школе /Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – Сс.286-299.

Тезисы докладов

29. О возможностях оптимизации учебного процесса // Иностранные языки в неязыковых вузах: теория и практика. Тез. докл. Всерос. н.-мет. конф.–М.: ВЗФЭИ, 1996.– С.55.
30. К вопросу о совершенствовании учебного процесса на базе новых учебных пособий // Преподавание иностранных языков в комплексе «Школа-Вуз» в современных условиях. Тез. докл. Всерос.науч.-теор.конф.15-16.03.96. – М.: МГАТУ, 1996. – С.62.
31. О роли новых учебных пособий в совершенствовании системы «школа-вуз» (в соавторстве с Т.Д. Пивоваровой)// Оптимизация

- обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Тез. докл. Всерос. науч.-мет. конф. – Оренбург: Оренбургский ГУ, 1996. – С. 114.
32. On Developing Teaching Materials for Different Levels // Global Community: EFL in an Evolving World. TESOL Russia, 18-21.06.96. Conference Proceedings. – Moscow: MSU, 1997. – P. 65.
33. Новые учебные программы // Иностранные языки в системе непрерывного образования. Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. – М.: МГПУ, 1997. – С. 20.
34. Модульные программы: проблемы и перспективы // Преподавание иностранных языков в XXI веке: проблемы и перспективы. Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. 3-5.02.98. – М.: ВЗФЭИ, 1998. – С. 42.
35. О системном подходе к развитию навыков кросс-культурной компетенции при обучении английскому языку // Опыт билингвального образования средствами родного и иностранного языков в России. Тез. докл. и выст. межрег. науч.-мет. конф. 11-12.02.99. – М.: Еврошкола, 1999. – С. 39.
36. Helping Business Students Understand Lectures in English (в соавт. с E. Lewis) // TESOL '99: Avenues to Success. Program Book of the 33rd conference 9-13.03.99. – New York Hilton & Towers. – P. 211.
37. A Modular Approach in Designing an ESP Course Programme // 33rd International IATEFL Annual Conference 28.03-1.04.99 Conference Programme. – Edinburgh, 1999. – P. 135
38. О построении учебных программ на основе модульного подхода // Системы и модели разработки программ для талантливой и одаренной молодежи. Тез. докл. I междунар. конф. 30-31.08.99. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 1999. – С. 25.
39. Роль и место кросс-культурной компетенции в социальном образовании // Социальное образование и воспитание современного специалиста на рубеже XX-XXI вв. Матер. междунар. науч.-практ. конф. 3-4.11.99. – Курск: КПКУ, 1999. – С. 63.

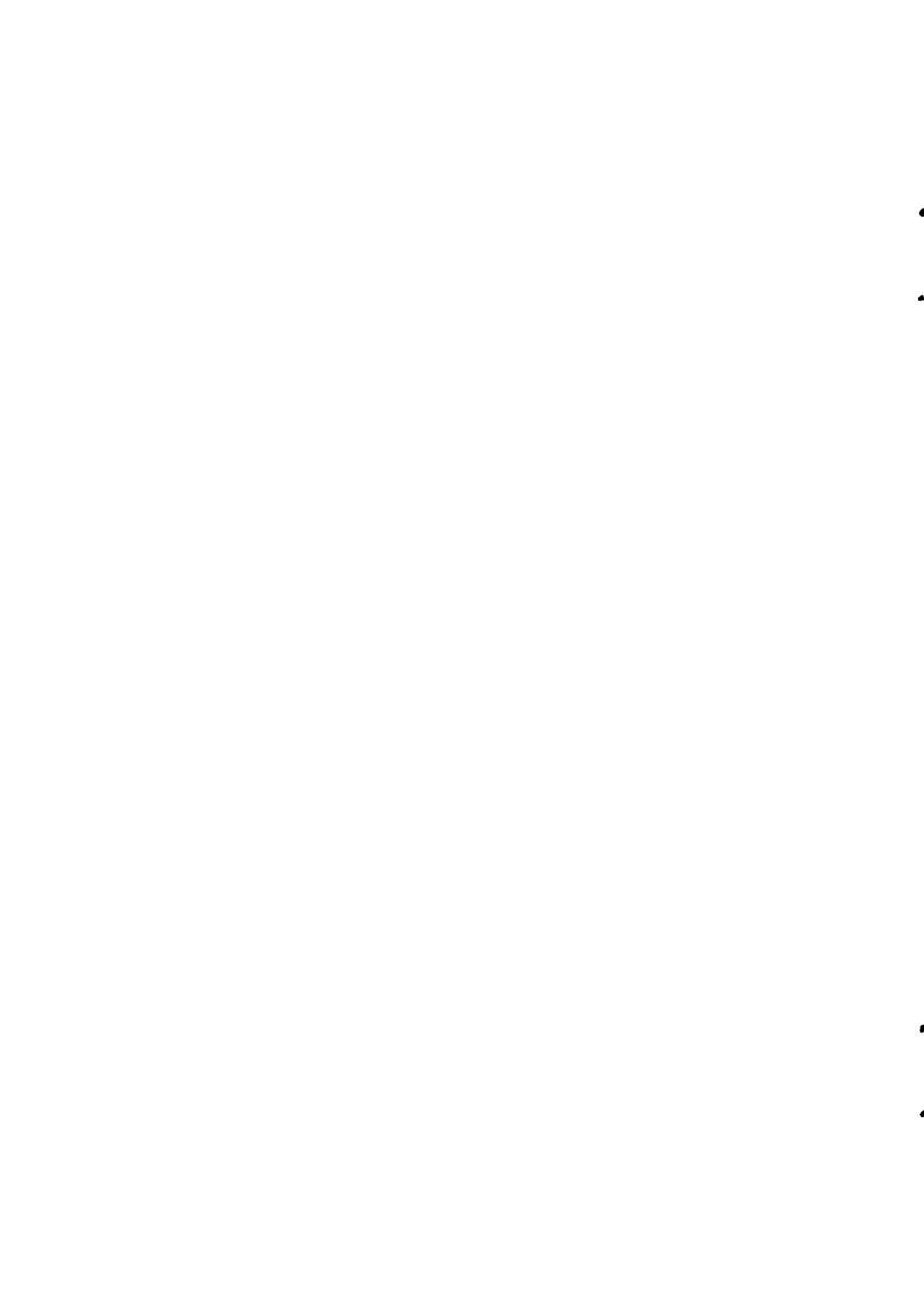
40. Стратегии вежливого общения с точки зрения кросс-культурной компетенции // Межкультурная коммуникация: глобальные и региональные аспекты. Матер. межд.науч.-практ. конф. 11-12.05.00. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2000. – Сс. 31 –33.
41. О преподавании стратегий вежливого общения (на вербальном уровне) // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, вып.4.–М.: Ист.ф-т МГУ, 2000.–Сс.173–175.
42. О развитии кросс-культурной компетенции при обучении речевой коммуникации // Иностранные языки и технологии обучения в XXI веке. Сб.матер. всерос.науч.-мет.конф. 22-23. 01.01. – СПб: СПб ГУЭиФ, 2001. – С.77.
- Учебные пособия/программы, основанные на модульном подходе**
43. ABC-s of Cross-cultural Communication (практическое пособие по межкультурному общению). – Титул: Обнинск, 2001 (13, 07п.л.).
Рекомендовано МО РФ.
44. Set the Stage (в соавт. с А.П. Кузьменковым). – М.: Центрком, 2001 (4 п.л.).
45. Английский язык для вузов экономической направленности // Иностранные языки. Примерные и авторские программы для системы высшего образования. – Москва: МОПО РФ, Юристь, 1998. – Сс.86-96.
46. Модульная программа курса иностранного языка для аспирантов // Вестник МГУ, сер.19 Лингвистика и межкультурная коммуникация, №3. – М.: МГУ, 1999. – Сс.32-38.

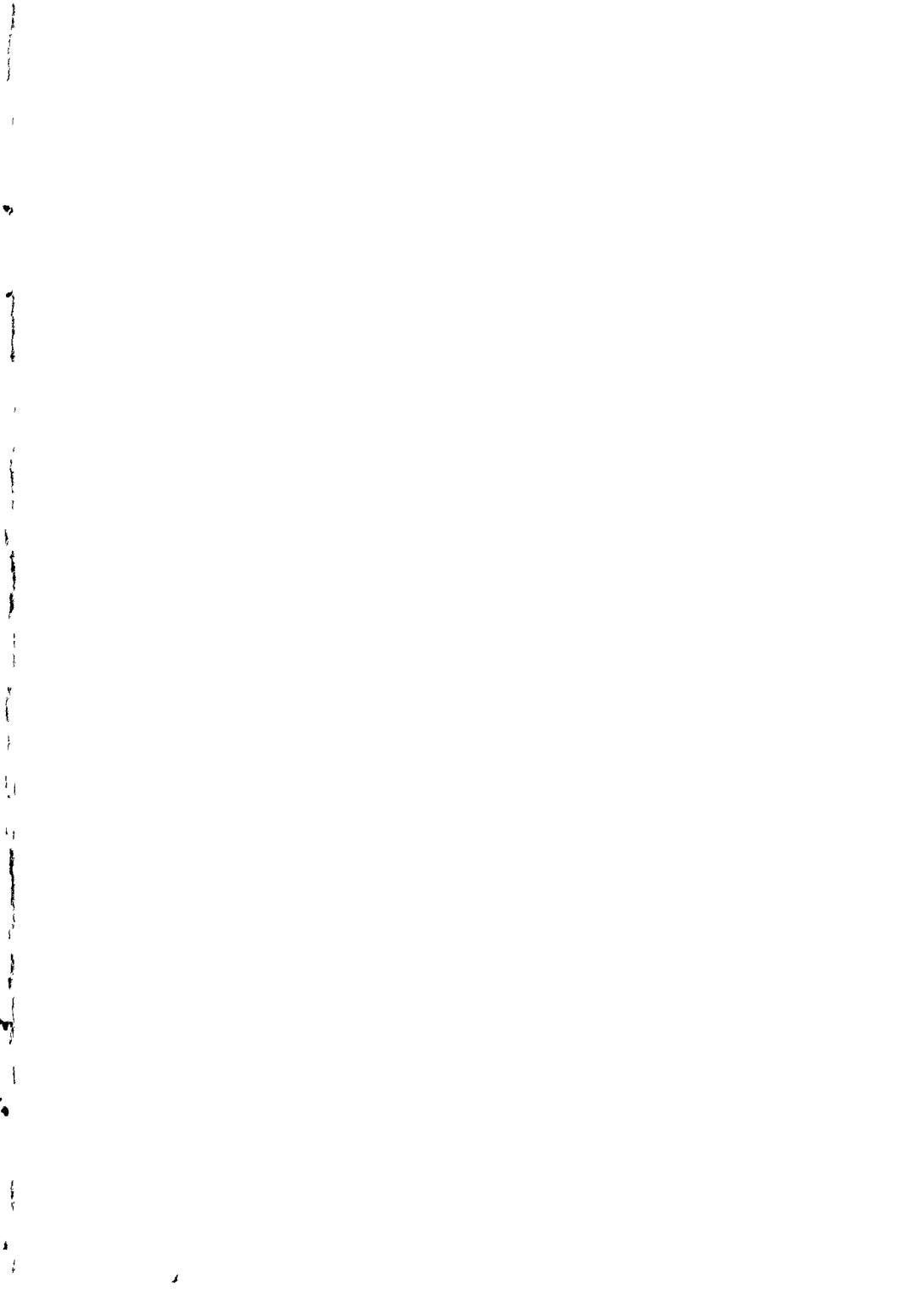
Подписано к печати 14.02.2005 г. Формат 60x84/16.

Объем 3 печ.л. Тираж 150 экз. Зак.№51

Типография ГУ-ВШЭ

Москва, 129125. Кочновский пр., д.3

РНБ Русский фонд

2005-4

45541

1019